

НЕТ НИКОГО загадочнее дворянина. Какими породами она рождена? Какие крови смешались, чтобы получилась она? Одна овчарка похожа на другую — породой — по роду. Нет двух похожих дворян. Бес-породная индивидуальность.

Актер без устойчивого амплуа — легко не определимого — сродни дворянине. Казалось бы, размытость нехороша. На самом деле такой актер разносторонне индивидуален, способен быть разнородным, все-породным. У него уши — от сеттера, лапы — от гончей, морда — от овчарки, хвост — от дога. Он — породистая дворянка, способная увлекаться своими проявлениями — выявлениями характера, который подобен покрывалу на прожекторе: чуть сдвинешь — и пучок света вы-

«Рыжая дворянка», смахивавшая, может быть, на автопортрет, вызвала у приемной комиссии сочувствие, не более: его не разгадали. Только на третий год после школы он поступил в ГИТИС. Бывает такая судьба, наверное, которой важно, чтобы человек не сразу добился успеха, а прежде помучился, может, для собственного же блага, только это осознаешь спустя время. После ГИТИСа его многие театры не брали. Но пришел в институт на просмотр Константин Райкин и... «Стал хохотать, много мне всего обещать, заманивать, а я начал ему заливать, дескать, меня театры на части рвут. Он наорал и оформил быстрее, чем всех моих однокурсников в другие места. Уже через месяц я играл в «Сатириконе». Костя уникальный человек, талантливый

вет, пока живо оно. В родительской семье уютно не было. Но детство Николая прошло под знаком материнской нежности — талисман на счастье. Эта нежность, женская нежность вросла в него чертой характера. Мать вдохнула в него сентиментальность своей неостребованной любви к мужу, который погиб три года назад.

— Отец был неудачником? — Вот! Попали в точку. Неудачник. Отец был талантливым юристом и актером, думаю, тоже. Но он не состоялся ни в профессиональном, ни в человеческом смысле. Проводил серьезные расследования, а дела закрывали, прикрывали... Трагедия...

Он ненавидит неудачи, будто отражающие судьбу отца. Ускользающий успех пугает его обречен-

не боясь, что отберут. Когда меня спрашивают: хочешь быть «звездой»? Я отвечаю: «Да, хочу...». Успех «Служанок» в «Сатириконе» — роскошной, феерической, пронзительной постановки Романа Виктюка требовал продолжения. Что дальше? Николаю необходимо это «дальше». Когда его нет, он томится, психует, разбалтывается, как машина без хозяина. Он будто отзывчивый пластилин в любящих лепку руках.

«Я ставлю человека, с которым работаю, у которого учусь, всегда выше себя, на пьедестал. Костя Райкин для меня кумир по сей день, Виктюк кумир, Алла Сигалова кумир. Этим людям я доверяю. Они мне делают жизнь». Его три кита. Они появлялись в моменты нужды в них. И он всплывал, хотя не тонул, не соломинку ждал, просто они ему раскрывали его же, даруя свою потребность в нем.

— Вы хотите сами что-нибудь поставить?

— Очень хочу, но чувствую, что мозгов для этого пока не хватает. Нужна холодная голова. Я, как бездарный писатель, стремлюсь сразу все сказать в одном слове: раз — и выдохнуть.

Он ушел из «Сатирикона» в поисках нового себя. Первый спектакль Независимой труппы «Игра в прятки с одиночеством» окрылил — Николай по аплодисментам почуял успех дела, в котором изначально, может быть, ощущал привкус авантюры.

Н. ДОБРЫНИН снялся в шести кинофильмах: «Нужные люди», «Прощай, шпана Замоскворецкая!», «Биндюжник и король», «Щенок»... «Феодания, рисующая смерть». Съёмки последнего, только что закончены. Это советско-американская картина режиссера Владимира Алейникова. На одну из центральных ролей приглашен Джордж Сигл — «звезда» Голливуда. «Он заставляет себя уважать. Выходит на площадку, отработывает положенное время, говорит «бай-бай» и уходит. Ему специально выстроили дом. Потому что он «звезда». А где наши «звезды»? Кому-то повезло — выбиться. Кому-то еще больше повезло — продержаться. Не любят у нас «звезд», не умеют их делать. Человек рождается не для трудностей. Прекрасна жизнь, когда есть мир в семье, любимый, дорогой человек, потрясающе интересная трудная работа... хотя все это примитивно, но, оказывается, примитивное — самое прекрасное...»

Он мечется от переполненности души. Ударит и тут же бросится на колени в покаянии, ненавидя себя. В нем так много намешано, что то и дело что-нибудь проливается через край. И нужно просто помогать ему верно себя расходовать.

Николай Добрынин похож на беса из сказки про Баду... и на главного героя тоже. Можно рискнуть еще выше забраться для широты вида: он похож на Мефистофеля и сказочного мудреца Иванушку, который хитер простодушным и обманчив добродушным, который схож с Мефистофелем даром самовыявления в перевоплощениях.

А. ПЕРЕВАЛОВА.

ДОБРЫНЯ НИКОЛАИЧ

скользнет, чтобы ударить. Энергия, которая нуждается в направляющей руке, как в руке кормящей. Собака обожает эту руку, прощая ей все. Когда рука кормит — она любит.

Это я к тому, что на вступительных экзаменах в театральное училище Николай Добрынин читал стихотворение «Рыжая дворянка». Сам того не ведая, пророчил себе будущее: будущего себя — актера. Даже не читал, а, как сам говорит, пел, будто в консерваторию прорывался: «Собака-ка не взвы-гла ни ра-а-зу...».

В консерватории учился старший брат Александр. Именно он предложил Коле на выбор жизненные пути: либо барменом, либо артистом. Барменом хотелось стать ради заграничных, кстати, почти все одноклассники Николая в моряки выбились. В замкнутом пространстве вырастают путешественники по духу. Долго живя на одном месте, срываешься с него с желанием уехать как можно дальше, не замечая, что это «дальше» постепенно становится таким же замкнутым пространством.

В ДЕВЯТОМ классе Николай впервые попал в Москву на зимних каникулах и ошалел от нее, как от Нью-Йорка: оба города тогда, наверное, были для него за гранью фантазии, но один оказался ближе. Задохнулся атмосферой большой жизни со всеми ее мелочами. Вокруг ГИТИСа убирали снег, и он удивлялся, что по ночам улицы могут очищать. Удивлялся, что киоски «Союзпечать» так рано открываются. Он попал на выставку Эль Греко, и сто сорок полотен графики его просто убили.

Николай рос в Таганроге. Из небольших городов либо вырастают, как из ползунков, либо врастают в них пожизненно, вписывая биографию в макет города очередным микрорайоном. Николай выбивался в актеры, будто вырывался из цепких лап провинции, — слишком глубоким оказался тот московский вдох.

учитель, замечательный партнер. Я его так боготворил, что никогда не мог решиться поговорить по душам. Мы разучивали по ночам песню «Служанки» и расходились...».

У НИКОЛАЯ есть один человек, которому он может открыться, — его семья, его Анечка.

— Давайте пофилософствуем. Я вам о семье расскажу. У меня такая милая жена.

— Как вы встретились?

— Потрясающе! Она ходила на спектакль «Служанки». Вот такие руки... (он поднял их вверх, показывая, как она аплодировала). Ее нельзя было не заметить. Она заставила меня влюбиться в жизнь...

И он суеверно стучит по дереву.

В 1989 ГОДУ Николай (после блистательной игры в спектакле «Служанки» — напущенной премьеры театрального сезона) ушел из «Сатирикона», чтобы стать ведущим актером Независимой труппы Аллы Сигаловой. Он привел Аню, которая тоже окончила ГИТИС, и они обрели общую сцену. Спектакль «Отелло» поставлен будто специально для них: Анна Терехова — Дездемона, Николай Добрынин — Отелло. Чтобы они смогли рассказать о своей любви. Николай: «Когда люди не любят друг друга — они расходятся, а когда любят — убивают». Они оба ревнивы, но в отличие от персонажей трагедии выработали противоядие — против Яго: «Когда ревнуешь, надо подойти и сказать: я тебя ревную». Потому что нельзя жить с этим чувством, оно все разрушает, съедает человека. А так, я скажу: «Анька, я тебя ревную!». Она ответит: «Дурак». И еще добавит: «К кому? К этому? Да он же тебя не стоит! И я вырасту в собственных глазах».

Возможно, для него семья — это он, в лучших своих проявлениях. Порыцать на кого-то, чтобы еще большую нежность сберечь для жены. Так человек ухаживает за деревом, уверовав, что жи-

востью на забвение. И он рвется вперед, воображая трагическую предначертанность. Говорят, неудовлетворенность двигает творчество. Но она еще и раздирает на части. «Я не хочу быть неудачником. Хочу, чтобы меня знали, на меня ходили, просто жить без этого не могу!».

ОН ОБОЖАЕТ преподносимые после спектакля цветы, потому что это результат его воздействия на публику, потому что это любовь. Он хочет успеть за десятилетия и сделать, и получить, словно время у него ограничено. «У нас уникальная профессия. На заводе людям дают план — они его выполнить не могут, а у нас есть актеры, которые хотят играть, а им за всю жизнь дадут три роли — и все. Пятьдесят лет проходит — юбилей твой справляют, самовар вручают. Будь счастливы: три роли сыграть! А сколько времени потратил, чтобы их выжить! И когда уже выжил, в тебе ничего светлого, чистого не осталось, ты уже накручен на зависть и злобу, на жажду доказать всем, что ты не зря вырывал эту роль. Не должно так быть в душе во время работы — нужен покой, сосредоточенность на игре, то есть нормальные условия, когда без драки и блатов получаешь роль и работаешь над ней,